

ЭДУАРД БАТАЛОВ

УЧЕНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНИК В СЕГОДНЯШНЕЙ НАУКЕ

Эдуард Яковлевич Баталов – фигура в отечественной политической науке уникальная. Человек удивительной скромности, всегда чужавшийся внешнего блеска и напускной значимости, он по праву считается одной из «звезд» российской политологии. Ученый, никогда не занимавший высоких руководящих постов в отечественных исследовательских институтах, пользуется не меньшим авторитетом, чем многие академики.

В разгар «холодной войны» он занимался одной из наиболее чувствительных и опасных в советскую эпоху тем – современной западной философией и идеологией. На фоне уже сточения пропагандистской борьбы его труды представляли собой пример научного анализа и исследовательской смелости. Работы Э.Я. Баталова, посвященные «новым левым» и американской утопии, не только знакомили отечественного читателя со скрытым от него миром западной интеллектуальной традиции. Они способствовали научной разработке феномена политического сознания. Без преувеличения труды Э.Я. Баталова по существу предвосхитили концептуальные положения возникшего впоследствии в США влиятельного конструктивистского подхода к международным исследованиям.

Уже в постсоветский период Эдуард Яковлевич не только продолжил изучение роли идеологии в мирополитических взаимо-

действиях, но и ввел в отечественные исследования ряд новых вопросов, способствовал становлению новых субдисциплин политологии. Он, пожалуй, первым не только в России, но и в мире заговорил о необходимости изучения философии международных отношений. Он же обратил внимание на подзабытое значение человека в мировой политике. На фоне доминирования структуралистских концепций, он выступал за возвращение к гуманистическим истокам дисциплины. Тем самым, Э.Я. Баталов заложил основы антропологии международных отношений.

Работы Эдуарда Яковлевича характеризует редкое сочетание новаторства и фундаментальности. Выход практически каждой из них становился событием в отечественной науке. Но самым явным подтверждением их ценности остается то, что и спустя многие годы к ним продолжают обращаться студенты, аспиранты и давно сформировавшиеся исследователи, каждый раз находящие в них что-то новое.

В последние годы Эдуард Яковлевич не снижает интенсивности работы. Он ведет в МГИМО ряд авторских курсов, регулярно публикует статьи, в том числе в «Международных процессах». Он же стал одним из основных авторов снискавшего популярность учебника «Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке».

В 2014 г. вышла очередная книга ученого – фундаментальный труд «Американская политическая мысль XX века». Она была отмечена дипломом I степени Российской ассоциации политической науки.

В мае 2015 г. ответственный секретарь журнала И.А. Истомин встретился с Эдуардом Яковлевичем, который любезно согласился ответить на вопросы редакции.

И.И. Эдуард Яковлевич, Вы закончили МГИМО, который создавался как кузница кадров для МИДа, для практической работы. В то же время Вы вместо дипломатического ведомства пошли в аспирантуру в Академию наук. Что привело Вас к занятиям философией?

Э.Б. Из стен вузов, ориентированного на подготовку практиков, не так уж редко выходят специалисты, решившие посвятить себя теоретическим поискам. И дело тут, как правило, не в холодном расчете, а в просыпающейся у этих людей потребности «дойти до самой сути» (говоря словами Бориса Пастернака) изучаемых вещей. МГИМО – не исключение. Сотни историков, социологов, международников-теоретиков, экономистов окончили в разное время этот замечательный университет. Есть среди его выпускников и люди, обратившиеся к философии. Ваш собеседник – лишь один из них.

Философией я заинтересовался на четвертом курсе. Хотелось отыскать ключи к международным отношениям (они, думалось мне, не так просты, как может показаться), раскрыть их природу, понять типичные мотивы действий вовлеченных в них людей, разобраться в самих этих людях... Догадываюсь теперь, что этому благоприятствовала новая обстановка, складывавшаяся в стране: ведь то были годы «хрущевской оттепели». Тогда же в МГИМО появился философский кружок, в работе которого я принимал активное участие. С благодарностью вспоминаю его руководителей и моих первых учителей философии – Александра Федоровича Шишкина (одного из крупнейших отечественных специалистов по этике, заведовавшего в то время Кафедрой философии) и профессора

Дмитрия Владимировича Ермоленко. Они подогрели интерес студентов к «любимудрию» и «благословили» меня на серьезное занятие философией. Мое появление в Институте философии Академии наук СССР (ИФАНе) после получения диплома не было для меня случайным.

Кстати сказать, аспирантом я стал не сразу, так как подпал под вышедшее постановление о наличии производственного стажа как обязательном условии поступления в аспирантуру. Поэтому все началось с работы в секторе научной информации, о чем я потом никогда не жалел. В то время в Институте (размещавшемся на пятом этаже исторического здания на Волхонке) трудилось немало талантливых и эрудированных философов, у которых было чему поучиться. Среди них выделялись Эвальд Ильенков, Александр Зиновьев, Бонифатий Кедров, Михаил Лифшиц, Юрий Левада, Владислав Келле и еще несколько ярких фигур. Время от времени Институт посещали обществоведы из других центров, которых приглашали для чтения лекций, участия в научных конференциях или защите диссертаций. Вспоминаются лекционный цикл замечательного грузинского философа с европейской выучкой Константина Бакрадзе, лекции выдающегося профессора МГУ Валентина Асмуса, первые выступления тогда еще мало кому известного, но уже привлечшего к себе внимание Мераба Мамардашвили.

Не могу не сказать о своих сверстниках или людях чуть постарше, которые пришли в Институт примерно в одно время со мной (это были в основном выпускники философского факультета МГУ) и выросли со временем в крупных философов: Эрихе Соловьеве, Олеге Дробницком, Тамаре Кузьминой, Нелли Мотрошиловой, Вадиме Садовском, Мариетте Степанянц, Нине Юлиной. Общение с ними, да и со многими другими сотрудниками ИФАНа, было по-человечески интересным, поучительным и весьма полезным в профессиональном отношении. (Недаром в Древней Греции, Древнем Китае и ряде других стран обучение через неформальное общение

считалось одной из самых эффективных форм образования.)

Не хочу идеализировать обстановку, существовавшую в Институте. В идеологическом плане она была довольно тягостной, что, впрочем, было характерно и для других обществоведческих центров того времени. Среди его сотрудников были догматики и карьеристы, готовые писать доносы на негодных им людей; приспособленцы, оперативно реагировавшие на очередные «мудрые решения партии и правительства»; люди, так и не освободившиеся от страха, вселившегося в них еще в 30-х или в 40-х годах. Присутствовали и, как мы их тогда называли — в духе ходившего в то время анекдота, — «критики в штатском», (одну такую даму, присланную на Волконку с Лубянки и имевшую чин полковника, с содроганием вспоминаю до сих пор). Но, слава Богу, не они делали погоду в коллективе — по крайней мере, в молодежной его части. И сегодня, много лет спустя, могу убежденно сказать: Институт философии конца 1950-х—первой половины 1960-х годов был одним из самых передовых (если не самым передовым) советских «мозговых центров», где собралось немало мыслящих, талантливых, эрудированных, порядочных людей с развитым гражданским сознанием. И я благодарен судьбе за то, что она подарила мне встречу с ними.

И.И. Как Ваш интерес к философии преобразовался в интерес к Соединенным Штатам? Ведь, начинали Вы, если я не ошибаюсь, с осмысления наследия Франкфуртской школы?

Э.Б. Интерес к Соединенным Штатам пробудился у меня не сразу. Все началось с «новых левых», громко и многообещающе заявивших о себе на Западе, особенно в Америке, в 1960–1970-х годах. Захотелось разобраться в их бунтарской философии. А она складывалась во многом под влиянием мыслителей, связанных с Франкфуртской школой, особенно Герберта Маркузе, который еще в 1930-х годах эмигрировал (как и многие другие ее представители) в США. Значит, нужно

было обратиться к «франкфуртцам». А понять их поздние работы (как, впрочем, статьи и книги самих американских «новых левых») было невозможно вне американского контекста. Стал целенаправленно изучать Америку и американскую мысль.

Через какое-то время выступил с первыми публикациями, посвященными «новым левым». Проходили они трудно (как почти всё, что касалось «современной западной мысли»). Приходилось писать таким образом (научили старшие товарищи, спасибо им), чтобы и цензура пропустила, пусть «пощипав», и умные люди, умеющие читать между строк, поняли, что хочет сказать автор, а главное — что хочет сказать те, о ком он вынужден писать — иначе не пропустят — в критическом тоне. Читательская реакция была разной. Кто-то бранил меня (были даже доносы), кто-то хвалил. Публикации заметили в Институте США и Канады АН СССР. И когда в 1976 г. его директор академик Георгий Арбатов пригласил меня к себе на работу, я с радостью принял его предложение и стал профессионально заниматься американским политическим сознанием и политической мыслью Соединенных Штатов.

И.И. Таким образом, значительная часть Вашей научной карьеры прошла в стенах Института США и Канады. Причем Вы застали годы расцвета института. Как получилось создать такой научный коллектив? И чем Вам, в первую очередь, запомнилась работа в этом институте?

Э.Б. Да, в ИСКАНЕ я проработал в общей сложности (был перерыв в несколько лет) примерно четверть века. Незабываемое время. И попал я туда действительно в годы расцвета Института. Там сложился уникальный коллектив, в чем была огромная заслуга его основателя и многолетнего директора Георгия Аркадьевича Арбатова. Это был умный и мудрый человек, фронтовик (более того, участник исторического парада на Красной Площади 7 ноября 1941 года), один из первых выпускников МГИМО, прошедший большой жизнен-

ный и творческий путь и, кстати сказать, проработавший несколько лет в журнале «Вопросы философии». Он умел разговаривать – сохраняя при этом достоинство – и с Генеральными секретарями (до создания Института он работал в ЦК КПСС), и с младшими научными сотрудниками, и с крупными зарубежными политиками вроде Генри Киссинджера. Арбатов был талантливым организатором. Он умел подбирать кадры, приглашая людей (как я понимаю) по принципу сочетания профессионализма и порядочности, и ошибался (насколько могу судить) редко. В 1970–1980-х годах в Институте работало немало людей, которые либо уже в то время были известными специалистами, либо обрели известность впоследствии. Это, в частности, политологи¹ Валентин Зорин (знакомый телезрителям старшего поколения по программе «Международная панорама»), Андрей Кокошин (впоследствии – видный политический деятель и академик РАН), Владимир Лукин (один из будущих создателей партии ЯБЛОКО, посол Российской Федерации в США); историки-американисты Эдуард Иванян, Владимир Печатов, Анатолий Уткин, без книг которых трудно представить себе отечественную американистику; известный социолог Юрий Замошкин (мой непосредственный начальник и давний товарищ); экономисты Валентин Кудров и Николай Шмелев (прославившийся в годы перестройки); авторитетный литературовед Александр Мулярчик и еще десятки интересных людей и профессионалов высокого класса. Складывалась когорта молодых, выросшая позднее в известных специалистов: Алексей Богатуров, Сергей Караганов, Андрей Кортунов, Виктор Кременюк, Игорь Малащенко, Андрей Мельвиль, Михаил Носов, Мира Петровская, Сергей Рогов (впоследствии сменивший Арбатова на посту директора Института), Николай Сванидзе, Виктор Супян, Наталья Травкина, Татьяна Шаклеина, Надежда Шведова...

Арбатову удалось не только собрать под одной крышей блестящих интеллектуалов, но и – что было, как мне представляется, намного труднее – создать в Институте редкую в те времена (и потому столь ценившуюся сотрудниками) атмосферу творческой свободы и умственной раскованности, сочетавшихся с заинтересованным научным поиском и серьезным подходом к делу.

За годы своего существования Институт сумел завоевать авторитет, его высоко ценили и в Советском Союзе, и в США, и в других странах. На приглашение посетить ИСКАН и выступить перед его сотрудниками откликнулись американские и европейские ученые с мировым именем (масштаба Джона Гэлбрейта) и видные политические деятели. Исключительная по тем временам возможность прямого общения с зарубежными интеллектуалами и политиками многое давала нам, сотрудникам Института, и в профессиональном плане, и в плане общего понимания того, что на самом деле представляет собой «современный Запад».

Арбатов умел «пробивать» для сотрудников Института зарубежные командировки, которые давали возможность поработать в крупнейших библиотеках (типа Библиотеки Конгресса США) и посетить ведущие университетские центры – Гарвард, Принстон, Стэнфорд, Беркли и т. п. Мне тоже повезло: я впервые попал на Запад, несколько раз был в США. И по собственному опыту знаю, как важно своими глазами, вблизи увидеть объект своего исследования.

Трудно сказать, сколько книг в общей сложности было написано сотрудниками ИСКАНа, но думаю, не одна сотня. И это были по большей части солидные исследования, вышедшие из-под пера настоящих мастеров (и «проходившие» подчас с немалым трудом). В одном только Отделе идеологических проблем и общественного мнения, в котором мне посчастливилось работать в 1970–1980-е годы (и о замечательных сотрудниках которого, моих това-

¹ Тогда, правда, и слова-то такого у нас не было, как не было в СССР политологии в качестве автономной научной и учебной дисциплины.

рицах, я вспоминаю с большой теплотой) мы подготовили не менее двух десятков индивидуальных и коллективных монографий. И хотя что-то из того, что было написано мной в то время, я бы подал сегодня несколько иначе, мне не стыдно за прежние публикации.

Конечно, писали мы не только книги и научные статьи. Арбатов был тонким политиком, знал «правила игры» и умел заинтересовать высокое и даже очень высокое начальство мнением «искановцев» по вопросам, которые он, человек с государственным умом, считал важными для страны. Сколько закрытых «записок» (особый жанр!) было подготовлено для «инстанций», не знает, думаю, никто. Но запросы на них поступали постоянно, и сотрудники Института чувствовали себя востребованными. Потом наступили 1990-е, и в стране все изменилось...

Второй раз я оказался в Институте (это был уже не ИСКАН, а ИСКРАН) в конце 2000 года. Пригласивший меня на работу его новый директор Сергей Михайлович Рогов предоставил мне полную творческую свободу. Это позволило завершить и опубликовать исследование, посвященное проблеме, над которой я размышлял и работал много лет – книгу «Русская идея и американская мечта». Считаю ее одним из главных итогов своей научной работы. А в общем, свою ИСКАНовско-ИСКРАНовскую жизнь вспоминаю с самыми добрыми чувствами и (видимо, сказывается возраст) с ностальгией.

И.И. Вас считают одним из основоположников философии международных отношений. В чем, как Вам кажется, принципиальная задача и значение данной дисциплины? Почему нельзя изучать международную политику без обращения к ее философским основаниям?

Э.Б. Десять лет назад Научно-образовательный форум по международным отношениям опубликовал (с «благословения»

его руководителя Алексея Демосфеновича Богатурова) мою книгу «О философии международных отношений». В ней была предпринята попытка реализовать в комплексной форме предложенную мной ранее идею выделения (и исследования) философии международных отношений из общего массива философии политики². Судя по откликам специалистов, попытка в целом удалась. Хотелось бы надеяться, что представители новых поколений философов и международников продолжат движение на этом – весьма перспективном, на мой взгляд, – направлении.

Спрашивают, что это может нам дать. А что вообще способно дать философствование как теоретическая деятельность, объектом которой является окружающий мир (в его целостности и частностях) и человек, живущий в этом мире? Философия направлена на постижение их *сущности*, скрытой за множеством лежащих на поверхности и сменяющих друг друга событий и явлений, на раскрытие их *глубинных смыслов*. Но если я понимаю, *что такое* международные отношения *по своей сути*; какова *логика* их становления и эволюции в пространстве и времени; каковы *пределы и формы их развития* и его возможные результаты; каковы *этические и эстетические измерения* международных отношений и т. п., то разве не легче будет правильно оценивать эти отношения, направлять их в желаемое русло и добиваться искомых результатов?

Есть и еще одна причина интереса к философии международных отношений. Исторические события минувших, да и начала нынешнего столетий убедительно говорят о том, сколь несовершенен, а порой неразумен человек, хотя антропологи и называют его *homo sapiens* – человек разумный. По-видимому, его эволюция как вида не завершена. И один из механизмов этой эволюции на ее новом витке – международные отношения. Много веков назад человек в процессе своей трудовой дея-

² См.: Баталов Э. Я. Предмет философии международных отношений // Международные процессы. 2004. № 1.

тельности создал общество (точнее – локальные общества), что во многом определило его (человека) природу. Теперь жизненные потребности *homo sapiens* подталкивают его на путь формирования внутренне дифференцированного во многих отношениях, но интегрированного в структурном и функциональном планах мирового сообщества – не как воображаемой, а как реальной человеческой общности. Это долгий, трудный, противоречивый процесс, который будет протекать в ходе глобального многообразного общения народов. На пути к новой общности формы отношений человека с человеком (народа с народом) будут усложняться и развиваться, отвечая на вызовы глобального мира. Человеку придется снова и снова «преодолевать себя» (как говорил поэт Эмиль Верхарн), освобождаться от одних своих черт и приобретать другие, что неизбежно найдет отражение в его обновляющейся природе. И философия международных отношений – один из путей постижения этой эволюции: ее хода, этапов, закономерностей...

И.И. *В своих работах большое внимание Вы уделяете точности языка, определению понятий. В частности, Вы давно критикуете использование таких выражений, как «однополярность» и «многополярность». Как в этой связи Вы относитесь к релятивистским подходам к познанию, которые предполагают возможность сосуществования различных интерпретаций?*

Э.Б. Среди исследователей международных отношений уже давно прослеживается стремление («подогреваемое», кстати сказать, и журналом «Международные процессы») придать знанию об этих отношениях *научный характер*. Кто-то говорит о «политической науке о международных отношениях», кто-то – об интегральной «науке о международных отношениях». Кто-то, отрицая наличие таковой, признает существование системы или совокупности научных дисциплин, исследующих общий объект (международные отношения) в различных предметных срезах.

Однако во всех случаях речь ведется о науке. Но ни одна наука не может обойтись без набора фундаментальных понятий, с помощью которых она осмысливает бытие в том или ином его аспекте и структурирует мысль об исследуемом бытии. Эти понятия, именуемые «категориями», должны отличать содержательная строгость и точность в употреблении.

Категориальный аппарат комплекса знаний о международных отношениях находится, как мне представляется, на начальной стадии формирования. И происходит оно во многом стихийно: что-то приходит из науки, что-то из политики, что-то из журналистики. И международник-теоретик, желающий воспользоваться понравившимся ему журналистским образом или удачным словечком политика, обязан трижды подумать об их реальном смысловом наполнении и возможности использования (без ущерба для дела) в качестве научного понятия, а тем более категории. К сожалению, так происходит не всегда.

Я давно, с 2001 года, выступаю против получившей широкое распространение идентификации структур миропорядка как «однополюсных» («однополярных») и «многополюсных» («многополярных») и предлагаю говорить соответственно о «моноцентричном» и «полицентричном» порядках не потому, что понятие «центр силы» нравится мне больше, чем понятие «полюс». Просто это *разные по смыслу понятия* и за ними скрывается *разная реальность*. Да, «полюс» – это центр силы. Но не всякий центр силы – «полюс» [Баталов 2001]. «Полюсы» – это контрарные, одновременно отрицающие и предполагающие существование друг друга, более или менее соизмеримые по жизненному и оперативному потенциалу (военному, экономическому, научно-техническому и т. п.) *парные* центры силы. Взаимодействуя, борясь друг с другом, уравновешивая и сдерживая друг друга, «полюсы» во многом определяют тип отношений между странами (группами стран), структуру и характер миропорядка, правила мировой политической игры. «Полюсов» может быть либо два (и только

два!), либо ни одного. А центров силы может быть два, меньше или больше двух. Мир, существовавший в годы «холодной войны», был двухполюсным (а, правильнее сказать, полюсным). После распада одного из «полюсов» он стал не «однополюсным» («однополярным»), как любят говорить, а «моноцентричным» (этим центром были США, полноценно противостоять которым никто не мог), что существенно изменило характер международных отношений. В последнее время начали выкристаллизовываться новые мировые центры силы. Но «полюсов» пока не видно, и появятся ли они в обозримом будущем – большой вопрос. Так что называть нынешний или складывающийся мир «многополярным» – значит исказить реальное положение вещей и дезориентировать политиков-практиков (не могу не заметить попутно, что такой же опасной дезориентацией чревато и утверждение, что наступает или уже наступила «новая холодная война»).

Что касается гносеологического релятивизма, который в основе своей едва ли не так же стар, как и сама философия, то суть его – в отрицании возможности познания абсолюта и утверждении идеи относительности всякого знания. Гносеологический релятивизм допускает возможность познавательной деятельности в разных системах исследовательских координат и формирования альтернативных картин мира, но не дает исследователю права произвольно менять при этом устоявшиеся смыслы используемых им понятий.

И.И. Не секрет, что на протяжении многих лет Вашим любимым мыслителем остается Иммануил Кант. Чем вызван Ваш интерес именно к этой фигуре в мировой философии?

Э.Б. Вы правы, Иммануил Кант – мой «любимый мыслитель». Но это не было результатом сознательного выбора и произошло не одномоментно. Знаете, когда знакомишься с работами мыслителей раз-

ных эпох и народов, то раньше или позднее обнаруживаешь, что кто-то из них ближе тебе по духу, по складу ума, по темпераменту, по взгляду на мир и на человека. Так я и пришел к Канту, постижение и осмысление философии которого уже на протяжении многих лет остается одним из моих любимых интеллектуальных занятий. Впрочем, можно найти и рациональное объяснение такого выбора.

Для меня, как и для многих других, значимость многогранной философии этого великого мыслителя определяется, прежде всего, ее *антропологическо-нравственной направленностью*. Кант поставил человека и в центр мироздания, и в центр философии. Именно от Канта идет выглядящее сегодня очевидным представление о том, что сознание человека не только отражает мир, но и творит его. Человек для него – не просто активный субъект, а, говоря современным языком, *высшая ценность*. К человеку недопустимо относиться как к вещи. «...Человек не есть какая-нибудь вещь, стало быть, не есть то, что можно употреблять *только* как средство; он всегда и при всех своих поступках должен рассматриваться как цель сама по себе»³. В наше жестокое время эта гуманистическая заповедь Канта приобретает характер всеобщего безусловного требования. И я напоминаю о нем студентам.

Есть еще один важный момент в учении Канта. Вот Вы спрашивали о философии международных отношений. И я утверждаю: кенигсбергского мыслителя можно с полным основанием считать одним из ее родоначальников. Глубокие суждения о политике, об отношениях между народами и государствами вы найдете во многих сочинениях Канта. Особого внимания заслуживает его трактат «К вечному миру». Он был написан в 1795 году, но многие его положения звучат так, как если бы они были выдвинуты сегодня. И одна из самых интересных идей, разрабатываемых в этом «философском проекте», – идея «федера-

³ Кант И. Основоположения метафизики нравов. Собр. соч. в восьми томах. Т. 4. 1994. С. 205. Курсив в тексте. – Э. Б.

лизма свободных государств». Кант был убежден: чтобы положить конец не какой-то отдельной войне, а всем войнам и навсегда, необходимо создать федерацию свободных государств, «которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру» [Кант 1994а: 21]. Принципы гуманизма и добровольного согласия (союза) народов должны быть положены в основу международных отношений.

Завершая разговор о Канте, хотел бы сказать, что его философию отличает не только глубина, но и красота — а это большая редкость. Еще в студенческие годы я натолкнулся на высказывание, которое по-

разило меня и запомнилось навсегда. Вот послушайте: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*» [Кант 1994b: 562]. В этом, как мне кажется, весь Кант. В этом и объяснение — по крайней мере, одно из объяснений — вечной притягательности и бессмертия его учения.

И.И. Эдуард Яковлевич, большое спасибо за Ваши ответы и внимание к читателям журнала. Позвольте пожелать Вам крепкого здоровья, а нам — Ваших новых работ.

Список литературы

- Баталов Э.Я. Новая эпоха — новый мир // Свободная мысль — XXI. — 2001. — № 1.
 Кант И. К вечному миру. Философский проект. Собр. в восьми томах. Том 7. М., 1994. С. 21.
 Кант И. Критика практического разума. Собр. соч. в восьми томах. Том 4. М., 1994. С. 562.

References

- Batalov E. (2001). Novaya epokha — Novyj mir [New age — new world]. *Svobodnaya mysl'* — XXI. № 1.
 Kant I. (1994a). *K vechnomu miru*. Filosofskij projekt. Sobr. v vos'mi tomakh. Tom 7 [Towards the eternal peace. Philosophical project. Collection of works in eight volumes. Volume 7]. Moscow.
 Kant I. (1994a). *Kritika prakticheskogo razuma*. Sobr. v vos'mi tomakh. Tom 4 [Criticism of practical mind. Collection of works in eight volumes. Volume 4]. Moscow.